

Во-первых, лачуга Сэ Чанмина была самым обычным домиком под черепичной крышей, а вовсе не изысканным золотым теремом. Во-вторых, на его постели сейчас ютилась лишь раненая птица, а не томная красавица.

Так что обвинения в духе «спрятал красавицу в золотом тереме» были чистой воды клеветой.

Вот только объяснить всё Чэнь Ибаю не представлялось возможным: этот парень отличался неуёмным любопытством и обожал докапываться до самой сути. Стоило ему прознать, что на кровати лежит Шэн Лююй, как его буйная фантазия породила бы такую несусветную чушь, что последствия стали бы воистину катастрофическими.

Сэ Чанмин поспешно сотворил простое отводящее глаза заклятие, поднялся и преградил дорогу соседу, который уже летел напрямик к постели.

Чэнь Ибай прекрасно знал, что в драке с Сэ Чанмином ему ловить нечего, а потому настаивать не стал. Он лишь заговорщически подмигнул:

— Ну и ну! Что это ты от меня прячешь?

Сэ Чанмин не успел вымолвить и слова, а его гость, даже не заглянув за ширму, уже выстроил в голове стройную картину происшедшего и заговорил без умолку:

— Сегодня на Академию напали демоны, повсюду царит хаос, и все, небось, перепугались до смерти. Особенно младшие соученицы — они ведь совсем ещё юные! И тут, конечно же, наш брат Сэ совершает подвиг: являет себя спасителем девиц в беде и выносит одну из них на руках. Твари снаружи ещё рыщут, массивы перемещения заблокированы, деваться некуда... Вот ты и привёл её в Двор Ясной Луны. Ну признайся, брат Сэ, я ведь зрю в самый корень?

Сэ Чанмин лишь промолчал. Фантазии Чэнь Ибая трещали по швам от логических нестыковок.

Те немногие юные адепты, что умудрились поступить в Академию Лулинь в столь нежном возрасте, почти сплошь происходили из великих орденов. Раз уж они сдали строгие экзамены, их воля и разум наверняка были закалены бесчисленными тренировками. Никакой панике они бы не поддались. Чэнь Ибай судил о стойкости других исключительно по собственной никчёмности. К тому же они все принадлежали к самому свежему набору. Какова бы ни была разница в возрасте, называть сокурсников «младшими братьями» или «сестрицами» считалось бы верхом наглости. За такое панибратство можно было знатно схлопотать по шее.

Словом, все эти домыслы не имели ничего общего с реальностью. Однако Сэ Чанмин не стал уличать приятеля во лжи, а просто подхватил его мысль, уводя разговор в нужное русло:

— Твоя правда. Только у меня вчера не было занятий, и я ходил искать господина Сюя. Когда всё началось, я как раз возвращался через лес, и прямо мне под ноги рухнула птица.

— Птица? — недоверчиво прищурился Чэнь Ибай.

Сэ Чанмин врал с самым невозмутимым видом:

— Помнишь ту, что стащила... плоды?

Он благоразумно опустил обидное прозвище «лысая», дабы не злить маленькую птицу Чанмина.

Чэнь Ибай всё ещё сомневался. Он вытянул шею и заглянул за плечо соседа. Сквозь марево простенькой иллюзии на постели действительно угадывался силуэт птицы с синеватым оперением. Разочарованию парня не было предела:

— И всё? Всего лишь птица?

Сэ Чанмин молча кивнул и снова заслонил собой кровать. С его нынешним духовным развитием на стадии Возведения Основания иллюзия выходила довольно зыбкой, но её вполне хватало, чтобы отвести глаза обычному человеку.

Шэн Лююй наверняка слышал их голоса, однако лежал смирно и тихо, проявляя редкую покладистость.

Чэнь Ибай принялся мерить комнату шагами, никак не желая расставаться со своими романтическими фантазиями. Наконец он резко вскинул голову, будто его осенило:

— Да не может быть всё так просто!

Сэ Чанмин промолчал. Надо же, а сосед-то растёт над собой, теперь его так запросто вокруг пальца не обведёшь.

Подойдя ближе, Чэнь Ибай прищурился:

— Ты...

Сэ Чанмин крепче сжал в ладони зачарованный камень и спокойно спросил:

— И что же?

— Да тебя же нагло развели! Навесили обузу!

Такой поворот событий действительно ошарашил. Сэ Чанмин даже расслышал, как за его спиной прерывисто вздохнул раненый птенец.

А Чэнь Ибай тем временем увлечённо развивал новую теорию:

— Посуди сам! Птица, которая обчистила целое дерево с духовными плодами, явно не из робкого десятка. Ты тогда её отпустил, ваши пути разошлись. В Академии Луинь сотни пиков — какова вероятность встретиться снова? Да почти нулевая! И надо же — именно сегодня, в день нападения, она прилетает к тебе вся израненная, чтобы ты её выхаживал.

Тяжёлое дыхание позади Сэ Чанмина переросло в откровенное сопение, а затем послышался глухой стук — птенец в ярости пинал подушку.

Совершенно не подозревая, по какому тонкому льду он ходит, Чэнь Ибай самодовольно продолжал. Опасаясь, как бы маленький птенец Чанмина от злости не растерял последние перья, Сэ Чанмин попытался его оправдать:

— Ну, это не совсем так. Тогда в Саду духовных растений он бросил мне горсть камней душ в уплату. Так что плоды он, считай, купил.

— Эх, брат Сэ, до чего же ты простодушен и не знаешь жизни! — сокрушённо покачал головой сосед. — Твои слова лишь подтверждают мою правоту. Раз этот птенец сообразил расплатиться камнями душ, значит, он невероятно умён. Стал бы такой смыслёный духовный зверь голодать и воровать чужое? Конечно нет! — Он выдержал драматическую паузу. — Объяснение тут только одно: птица намеренно прикинулась несчастной сиротинушкой, чтобы найти себе глупого хозяина, который будет кормить его и пылинки с него сдувать до конца дней. Брат Сэ, тебя самым наглым образом окрутили!

Сэ Чанмин лишился дара речи.

За его спиной уже не просто избивали подушку — оттуда доносилось яростное, хоть и тихое ворчание. Шэн Люйюй шипел что-то про «негодяя» и «вырванный язык». Бранных слов он, по всей видимости, отродясь не слышал, а потому выражал свой гнев как умел.

В прошлый раз грозился содрать кожу, теперь — вырвать язык. Похоже, маленький птенец Чанмина питал слабость к изысканным пыткам.

— Тебе не кажется, что в комнате кто-то шумит? — наострил уши Чэнь Ибай.

Сэ Чанмин с глубочайшим сочувствием посмотрел на обречённого соседа:

— Тебе показалось.

Убедившись, что никакой девицы в комнате нет, а к вороватой птице Сэ Чанмин не питает нежных чувств, Чэнь Ибай счёл свой долг выполненным. Перед уходом он лишь наставительно добавил:

— Я в Обители духовных зверей навидался всякого. Звери бывают хитрее и коварнее людей! Смотри не поддавайся на жалобный писк этой наглой твари, не позволяй ей сесть себе на шею.

Сэ Чанмин мягко выставил его за порог, запер дверь на засов и вернулся к постели.

Шэн Лююй, намертво вцепившись в зачарованный камень душ, уже забыл о недавнем испуге. Он процедил сквозь зубы:

— Раньше мне казалось, что быть глухим ужасно неудобно. Теперь я вижу, что от чужих разговоров один только вред.

Из-за демонической скверны он едва улавливал звуки, если только ему не кричали прямо в ухо. Камень душ с высеченными на нём рунами служил простейшим слуховым артефактом, возвращая ему способность слышать. Вот только всё, что доносилось до его ушей в последнее время, приносило одно разочарование.

Сэ Чанмин решил, что негоже позволять птенцу разочаровываться в мире и взращивать в себе былые обиды. Посмотрев на нахохлившегося под одеялом Шэн Лююя, он возразил:

— Отчего же? Не услышь ты его сегодня, так и не узнал бы, какими небылицами он тебя порочит.

Ради воспитательного процесса пришлось временно пожертвовать репутацией соседа.

Шэн Лююй на мгновение задумался, а затем неохотно кивнул:

— Твоя правда. — Немного помолчав, он прищурился. — Постой. А тот, кто в прошлый раз грозился ободрать с меня перья, — это ведь тоже был он?

Сэ Чанмин предпочёл промолчать. Обиды в голове этой птицы не просто складывались — они множились в геометрической прогрессии. Сначала угроза ощипать, теперь — обвинения в коварстве. Если Шэн Лююй решит воплотить в жизнь все свои кары, от бедного Чэнь Ибая мокрого места не останется.

Не дождавшись ответа, Шэн Лююй прижал камень душ к самому уху, слегка наклонил голову набок и поднял слепое лицо к Сэ Чанмину. Огонь светильника мягко очерчивал его черты, отбрасывая длинные тени ресниц на бледные веки. Он замер в ожидании с таким чистым, почти детским выражением лица, что Сэ Чанмин почувствовал себя бесчестным укрывателем опасного преступника.

Пришлось сдаться.

— Да, это он, — вздохнул Сэ Чанмин, во второй раз безжалостно предавая соседа.

— Вот как, — протянул Шэн Лююй. В его голосе, на удивление, не было ярости.

Сэ Чанмин подумал было, что после пережитого потрясения птенец наконец-то остепенился и перестал дуться из-за ерунды. Он даже хотел похвалить его за рассудительность, но сдержался — подобная нежность казалась излишней.

Но тут Шэн Лююй едва слышно забормотал себе под нос, загибая пальцы:

—... Девять, десять, одиннадцать.

— Что ты считаешь? — полюбопытствовал Сэ Чанмин.

На губах Шэн Лююя заиграла слабая улыбка:

— Считаю, сколько дней осталось. Ещё одиннадцать — и мои силы полностью восстановятся. Вот тогда этот Чэнь Ибай на собственной шкуре узнает, как выглядят все восемнадцать кругов преисподней.

Мысли о грядущем возмездии явно подняли ему настроение — его голос зазвучал на редкость воодушевлённо.

— За лживые и пустые речи грешников отправляют прямиком в Ад вырывания языков, — со знанием дела добавил он.

Что верно, то верно. Разумеется, калечить соседа по-настоящему божественный птенец бы не стал, но наслать иллюзию, от которой тот пережил бы весь ужас пыток наяву, ему было вполне под силу.

Сэ Чанмин потёр переносицу, впервые почувствовав укол совести. Впрочем, его кое-что озадачило. Преисподняя с её кругами и карами не имела никакого отношения к верованиям Восточного континента.

Культурные традиции Восточного, Облачного континентов и Ичжоу были тесно переплетены. По местным преданиям, души усопших отправлялись к горе Цишань, чтобы перевалить через её вершины и уйти за грань. Совсем иначе всё обстояло на далёком континенте Линчжоу: тамошние легенды гласили, что мертвецы спускаются в Преисподнюю, переправляются через Море горечи по мосту Найхэ, а грешники низвергаются в бездну ада, где терпят нескончаемые муки во искупление земных пороков.

Линчжоу лежал далеко за океаном, и его обычаи казались здешним практикам дикими. Большинство заклинателей Восточного континента презрительно фыркали при упоминании загробного судилища, считая это глупыми суевериями. Узнать о подобных тонкостях можно было лишь из редких древних трактатов.

Но Шэн Лююй, лишённый зрения и слуха, физически не мог читать свитки. Он был совсем юн, вырос под опекой сородичей в родовом гнезде и вряд ли когда-либо покидал пределы Восточного континента. Он даже господину Сюю когда-то хвастался, что ни за что не отправится в захолустный Облачный континент, не говоря уже о заморских землях. Откуда же в его голове взялись подробности о подземном суде?

Сам Сэ Чанмин побывал в Линчжоу лишь в позапрошлой жизни, когда скрывался там от преследования. Любопытство взяло верх:

— Откуда ты знаешь про круги ада?

Услышав вопрос, Шэн Лююй на миг растерялся. Его лицо приняло отрешённое, глуповатое выражение:

— Не помню... Кажется, краем уха слышал от кого-то в детстве.

Ему ведь исполнилось всего пятнадцать. За вычетом младенческих лет сознательной жизни у него было кот наплакал, а он уже умудрялся забывать подобные вещи. Сэ Чанмин мысленно покачал головой: «Такой молодой, а с памятью уже беда».

Пожалев непутёвого птенца, он не стал допытываться и лишь мягко промолвил:

— Ты сегодня знатно утомился. Отдыхай, ложись спать.

Шэн Лююй послушно кивнул, повернулся на бок и уткнулся лицом в стену.

Сэ Чанмин поднялся с края постели и устроился на стуле. В этот момент до него долетел едва различимый шёпот:

— А где ты будешь спать? — тихо спросил птенец. — Если хочешь... я могу обернуться птицей. Только чур много места не занимать.

Он без зазрения совести занял чужую кровать, но при этом с королевским великодушием предлагал хозяину потесниться. Не обладай Сэ Чанмин исключительным слухом, этот сонный лепет наверняка прошёл бы мимо него.

Он лишь улыбнулся и качнул головой:

— Не нужно. Мне хватит и медитации.

По ту сторону ширмы воцарилась глухая тишина — маленький птенец Чанмина притворился, будто ничего не говорил. Сэ Чанмин тоже промолчал, щадя хрупкое самолюбие раненого птенца.

Сну он предпочёл размышления. Откинувшись на спинку стула, он заново прокрутил в голове события минувшего дня. В особенности его занимал один образ — загадочный кот с двойными зрачками.

Наутро Шэн Лююй проснулся ни свет ни заря — видимо, сказался долгий вчерашний сон. Лишённый возможности подняться, он тихо лежал под одеялом и меланхолично грыз кедровые орешки.

Но одними орехами сыт не будешь. Из-за вчерашнего переполоха занятия в Академии отменили на ближайшие три дня, так что торопиться было некуда. Сэ Чанмин решил прогуляться до Сада духовных растений и раздобыть для больного сочных плодов.

Уже у самой двери его нагнал вопрос Шэн Лююя:

— Разве сейчас не первый месяц лета? Почему здесь так... прохладно?

Лишившись внутренней энергии, он сделался крайне чувствителен к сквознякам. И без того хрупкое здоровье теперь могло пошатнуться от любого дуновения ветра.

— Вчера ведь было гораздо теплее, — недовольно проворчал он.

Сэ Чанмин прекрасно знал, в чём дело, но виду не подал:

— Наверное, ты просто крепко спал и ничего не замечал.

На самом же деле к утру угасло сотворённое им духовное пламя. Разжигать его вновь было нельзя: даже такой недотёпа, как Шэн Лююй, мигом заподозрил бы неладное. Обычный заклинатель на стадии Возведения Основания физически не способен поддерживать чистый огонь из первозданной ци без использования артефактов, да ещё и отапливать им целую комнату.

Поэтому Сэ Чанмин постучал в соседнюю дверь и попросил у Чэнь Ибая жаровню.

Сосед, разумеется, разразился очередной тирадой о том, что у Сэ Чанмина глаза застлало глупой жалостью к пернатому мошеннику. Однако из чувства товарищеского долга — и помня, что в драке Сэ Чанмин его просто раздавит, — жаровню всё же отдал, хоть и горько вздыхал над каждой потраченной корзиной угля.

Сэ Чанмин установил жаровню у постели и разжёл угли. Комната быстро наполнилась сухим, ласковым теплом.

Согревшийся птенец довольно распушил пёрышки. Его настроение мгновенно улучшилось, а голос сделался мягким и певучим:

— Это ты принёс жаровню?

Сэ Чанмин на мгновение замер.

Он вытащил Шэн Лююя с Пика Чжоу, скормил ему драгоценные пилюли, а теперь собирался идти за свежими плодами. Всё это укладывалось в его прагматичный план: спасти птицу ради записей в родовом древе. Но забота о тепле была уже лишней. Под одеялом птенец бы не замёрз насмерть. Жаровня — это проявление чистой, ничем не обоснованной заботы.

«Нельзя позволять себе подобную слабость», — одёрнул себя Сэ Чанмин. И потому он поспешил перевести стрелки:

— Нет, это Чэнь Ибай вспомнил, что у меня в комнате нет тепла. Он забеспокоился, как бы ты не замёрз и не разболелся сильнее, вот и поделился углями.

Так он надеялся хоть немного смягчить праведный гнев маленькой птицы Чанмина и спасти несчастного соседа от участи быть ошипанным.

Шэн Лююй выслушал его с явным сомнением в голосе:

— И у этого болтуна нашлась совесть?

— Истинная правда.

Шэн Лююй ненадолго притих, а затем нехотя пробормотал:

— Ладно. Так и быть, прощаю его.

Сэ Чанмин удивлённо приподнял бровь. Надо же, как быстро сменился гнев на милость! Совсем на него не похоже. Стоило самому Сэ Чанмину допустить малейшую оплошность — к

примеру, принести на одежде запах посторонних кедровых орехов, — как птенец тут же раздувался от обиды, а во сне и вовсе обзывал его несносным типом.

А Шэн Лююй тем временем величественно добавил:

— Раз уж он поделился теплом, зачтём это как подношение тёплых перьев. Так что кожу с него сдирать я не стану.

О том, что язык Чэнь Ибая всё равно остаётся под угрозой вырывания, птенец предпочёл умолчать.

Сэ Чанмин лишь тихо хмыкнул.

Да уж. Мстительности этой крохе было точно не занимать.

<http://bllate.org/book/18249/1750603>